

А. А. Курапов

Астраханский музей-заповедник, г. Астрахань

**В. Н. ТАТИЩЕВ И БУДДИЙСКАЯ ОБЩИНА
КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА В 40-е гг. XVIII в.:
СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Примечательным фактом политической и научной деятельности В. Н. Татищева периода его деятельности на посту астраханского губернатора становится взаимодействие с буддийской общиной Калмыцкого ханства. Калмыцкое ханство – кочевое государственное образование, сформировавшееся в низовьях Волги в 30-е гг. XVII в. и в XVIII в. ставшее частью Астраханской губернии. Традиционно сильным политическим институтом ханства являлась буддийская община (сангха), влиявшая на внутреннюю и внешнюю политику ханства, взаимодействовавшая с российским правительством.

После смерти хана Дондук-Омбо 15 апреля 1741 г. борьба светской и духовной элиты за реализацию своих политических целей происходила параллельно. Повторилась ситуация 1723 г., когда хан Аюка, отдав предпочтение одному из претендентов на трон, инспирировал кризис в светской элите, стремясь легитимировать свой выбор религиозной традицией и поддержкой правительства. Основными претендентами на роль главы ханства в 1741 г. стали сын Дондук-Омбо – Рандул при регентстве ханши Джан и сын хана Аюки – Галдан-Данжин, поддерживаемый оппозиционными владельцами, имевшими имущественные претензии к ханскому домену¹. Прямые столкновения противоборствующих группировок сопровождались активным переговорным процессом, инспирированным российской администрацией, с участием буддийского духовенства ханства. Несмотря на поддержку оппозиционеров правительством, в столкновении оппозиционеров с войсками ханши Джан 27 июня 1741 г. Галдан-Данжин, владельцы Бай и Убаши погибают, что обостряет ситуацию в ханстве и вынуждает правительство искать нового претендента².

Правительство, заинтересованное в стабилизации ханства и предотвращения заключения союза ханства с кабардинцами, рассматривает кандидатуру владельца Дондук-Даши, активного участника политической жизни в 20–30-е гг. XVIII в., изгнанного из ханства Дондук-Омбо. 31 июля Кабинет министров предложил императрице кандидатуру Дондук-Даши, а 4 сентября владелец уже давал «реверс» (присягу) наместника³.

Для приведения наместника к власти в Калмыцкое ханство был назначен В. Н. Татищев, курировавший Калмыцкую комиссию, и с 1741 г.

возглавивший Астраханскую губернию. 5 октября В. Н. Татищев прибывает в Царицын, где получает инструкции из Коллегии иностранных дел, предписывавшие осуществлять строгий контроль за передвижением калмыцких улусов и предостерегавшие от чрезвычайных мер в отношении калмыцкой знати⁴.

В ситуации, когда существовал легитимный наследник – сын Дондук-Омбо Рандул, признанный частью светской элиты, победившей оппозиционеров, приход к власти альтернативного, пусть и пользовавшегося популярностью в улусах претендента, мог вызвать военное противодействие сторонников ханши Джан. В этой ситуации В. Н. Татищев активно ищет союзников в среде светской и духовной элиты ханства.

Отметим, что в калмыцком междоусобии 1741–1742 гг. буддийское духовенство сыграло значительную роль. В ситуации, когда вопрос легитимации претендентов на титул наместника оставался открытым, именно участие духовенства могло стать решающим. Традиционное для калмыцкой сангхи разделение на улусные группировки сохранилось и в калмыцком междоусобии 1741–1742 гг.

Характерно, что, несмотря на присутствие в улусах ханши значительной группировки мусульман, Джан на переговорах 1741 г. представляли именно буддийские священнослужители. Первые переговоры В. Н. Татищева по проблемам «калмыцкого междоусобия» были проведены 22 октября 1741 г. с ближайшим сподвижником ханши – Нима-гелюнгом⁵. Гелюнг затронул наиболее острые проблемы внутренней политики ханства этого периода: вопрос о престолонаследии и судьбе семьи Дондук-Омбо. А. В. Цюрюмов приводит информацию о предложении гелюнгом брачного союза между Дондук-Даши и ханшей Джан⁶.

Список священнослужителей, так или иначе принимавших участие в переговорах от имени Джан, позволяет сделать вывод о союзе ханши с частью буддийской сангхи, игравшей активную роль в годы правления Дондук-Омбо. По сообщению представителя российского правительства в ханстве М. С. Везелева, в группировке Джан было широко представлено духовенство, среди которого особо выделялись вышеупомянутый гелюнг Нима, Намка-гелюнг, гелюнг Абу, гецуль Нирбо, эмчи Габун Шарап, гецуль Цойрюн, гецуль Бархачи⁷. Отметим, что ханша Джан тяготела к «западному направлению откочевки», что традиционно отрицалось сангхой. Вероятной причиной поддержки ханши близким к Дондук-Омбо духовенством было стремление к сохранению высокого статуса общины в ханстве, к преобладанию во внутренней и внешней политике.

После переговоров ханши Джан, правительства и Дандук-Даши, в которых активное участие принимал Нима-гелюнг, В. Н. Татищев

организует церемонию провозглашения нового наместника 16 ноября 1741 г. в урочище Харабали⁸.

Российское правительство вновь привлекло лидеров сангхи к процессу интронизации в качестве легитимирующего фактора. Буддийское духовенство, в лице гецуля Босхола, гецуля Баахана, привлекается для организации съезда владельцев, приносивших присягу Дондук-Даши 16 ноября 1741 г. Текст присяги был подготовлен с привлечением буддийской терминологии в качестве легитимирующего фактора⁹. Рассматривая буддийских священнослужителей как одно из политически активных сословий ханства, правительство отдельно разрабатывает текст присяги наместнику для духовенства¹⁰. Клятва в верности наместнику на бурханах и буддийском каноне скреплялась личной печатью священнослужителя. Документальная часть и переписка правительственных чиновников, посвященная организации процедуры присяги, сопровождалась перечнем наиболее значимых персон в сангхе¹¹.

Назначение правительством наместником ханства Дондук-Даши привело к окончательному расколу буддийской общины на сторонников Джан как преемницы политической линии Дондук-Омбо и сторонников нового наместника. Поддержка российским правительством Дондук-Даши распространялась и на духовенство его группировки. В 1741 г. отдельные представители духовенства (гелюнг Абу, гелюнг Джамсо, гелюнг Нима, гецуль Бархачи) получили жалование от правительства¹². Рассматривая Дондук-Даши как пророссийски настроенного политического лидера, правительство стремилось наладить отношения с лидерами калмыцкой буддийской общины. Подтверждением данного вывода является финансирование духовной элиты ханства и личная переписка астраханского губернатора В. Н. Татищева с «главным из духовных» гелюнгом Абу¹³. Абу-гелюнг неоднократно упоминался в административной переписке 40-х гг. XVIII в. как главный калмыцкий священнослужитель из окружения ханши Джан. Так, еще в декабре 1741 г. Нима-гелюнг сообщал о просьбе Абу-гелюнга и ханши Джан отправить посольство ко двору императрицы Елизаветы Петровны¹⁴. После получения разрешения на посольство из 20 человек и приобретения подарков для императрицы Абу-гелюнг вновь фигурирует как верховный буддийский священнослужитель¹⁵.

Активизацию взаимодействия российского правительства с сангхой в 40-е гг. XVIII в. мы связываем с личностью В. Н. Татищева, который с 1739 г. как глава Калмыцкой комиссии, а с 31 декабря 1741 г. как астраханский губернатор, активно участвовал в разрешении внутриполитического кризиса в Калмыцком ханстве. В. Н. Татищева отличали энциклопедические знания, обладал он и значительной информацией

о буддизме. В феврале 1739 г. В.Н. Татищев послал в Академию наук десять документов, полученных от княгини Анны Тайшиной, с примечаниями буддийского священнослужителя¹⁶. Документы затрагивали отдельные аспекты буддийского вероучения, философии, законодательства, космогонии. Все документы В.Н. Татищев снабдил комментариями, дополнив сведения, предоставляемые переводчиком.

В частности, к «Описанию калмыцкой веры како они рассуждают и верят» В.Н. Татищев добавил сведения об иерархии «желтошапочной» школы Гелуг: «...Далай-ламу признают и почитают за великого пророка и наместника одного бурхана Шакджимину, а протчих святых имеет безчисленно и ... святых имеет несколько в телеси, а именно по Далай-ламе Богдадайчин Цоджин»¹⁷.

Группировка калмыцкого духовенства, оппозиционная российскому правительству, активно поддерживала ханшу Джан, в январе 1742 г. откочевавшую в Кабарду. Отдельные представители духовенства продолжали проводить агрессивную пропаганду с целью укрепления и увеличения оппозиционной группировки. В частности, такого рода политику проводил гелюнг Нима, ранее представлявший ханшу Джан на переговорах с В.Н. Татищевым. По информации о подстрекательстве к побегу Нима-гелюнг был вызван на допрос к В.Н. Татищеву, но отказался отвечать на вопросы губернатора. Как отмечал Н.А. Попов, «...допрашивать с пристрастием его (Нима-гелюнга – А.К.) было нельзя – он был немаловажным лицом между калмыцкими духовными»¹⁸. Для пресечения подобной деятельности другого представителя ханши Джан в калмыцких улусах – эмчи Габун-Шарапа – наместник обратился к российским властям. Наместник в апреле 1742 г. сообщал губернатору В.Н. Татищеву о подрывной деятельности эмчи в улусе владелицы Никбе и необходимости его ареста, позднее эмчи стал источником слухов о возвращении ханши Джан с персидским войском и массовом уходе калмыков в Кабарду¹⁹. В переписке с астраханским губернатором Дондук-Даши сообщал об опасности откочевки улуса эмчи Габун-Шарапа на Кубань²⁰. В.Н. Татищев, адекватно оценив влияние буддийского духовенства в ханстве, нейтрализовал оппозиционеров. В 1742 г. губернатор писал, что наиболее опасных представителей группировки ханши Джан необходимо «... отлучать тайным образом от улусов, сослать для содержания под крепким караулом в Казань»²¹. Именно по этой схеме поступили с эмчи Габун-Шарапом и его приближенными, арестованными 14 июля 1742 г. в кочевьях близ Сасыколей. В ноябре 1742 г. эмчи был доставлен в Казань²². Осознавая опасность усиления группировки Джан за счет улусов калмыцкого духовенства, наместник настаивал на передаче под его юрисдикцию шабинеровских улусов. С соответствующи-

шей просьбой относительно «емильжиновых, шакур-ламинных улусов» наместник обращается к правительству в 1741 г. В 1742 г. опасения Дондук-Даши подтвердились: к зайсангам Багацохурова улуса, решившим откочевать в Кабарду, присоединились шабинеры гелюнга Даба-Даржи²³.

В. Н. Татищев пытался использовать буддизм в борьбе со сторонниками Джан. Для дискредитации ханши, бежавшей в Кабарду, губернатор разослал по улусам перечень ее преступлений, в котором среди прочего значилось: «... держала закон магометанский, не верила бурханам калмыцким»²⁴. Позднее В. Н. Татищев в целом положительно оценил свою деятельность в 1741–1742 г. В письме к кабинет-секретарю И. А. Черкасскому он отмечал: «... и благодатию Божию зделал столько, чего господа министры и не чаяли и калмыцких ханов в такое подданство и порядок привести в каком не бывали»²⁵.

Тенденции к формированию политической самостоятельности буддийской общины в правление Дондук-Даши заметно усиливаются. Это объясняется тем, что конструктивные контакты Дондук-Даши с сангхой имели длительную историю. Духовенство представляло интересы Дондук-Даши в переговорах на разных этапах российско-калмыцкого взаимодействия. Еще в 1727 г. послами Дондук-Даши были гелюнг Аму, постоянно живший в Царицыне, и гецуль Лоузанг-табре²⁶. Уже в статусе наместника Дондук-Даши отстаивал интересы сангхи. Так, 5 декабря 1742 г. Дондук-Даши отправил в КИД просьбу о строительстве каменного храма в своей зимней ставке. В ответ КИД отправляет инструкцию астраханскому губернатору В. Н. Татищеву: «... такого каменного публичного капища для подношения идолам в державе ЕИВ, тем паче, казенным капиталом, иметь непристойно»²⁷. Губернатору предлагалось найти достойный повод для отказа наместнику.

Нейтрализация группировки Джан в июне – июле 1742 г., ее арест, ссылка и крещение, активное взаимодействие российского правительства с наместником Калмыцкого ханства при общей политической тенденции к ограничению власти наместника, приводят к снижению политической активности буддийского духовенства. Сведения о контактах представителей российского правительства с буддийским духовенством в 1742–1744 гг. в официальных документах практически отсутствуют.

Безусловно, тема политического взаимодействия с буддийской общиной и научного изучения ее В. Н. Татищевым вызывают серьезный интерес и требуют дальнейшего детального исследования.

Примечания:

- ¹ Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста, 1993. С. 291.
- ² НАРК. Ф. И-36. Д. 143. Л. 90.
- ³ Цюримов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2007. С. 249.
- ⁴ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 782. Л. 6-7.
- ⁵ Попов Н. А. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. М., 1861. С. 270.
- ⁶ Цюримов А. В. Указ. соч. С. 250.
- ⁷ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 137. Л. 65.
- ⁸ Батмаев М. М. Указ. соч. С. 337.
- ⁹ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 137. Л. 14 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 80.
- ¹¹ Там же. Л. 101 об.
- ¹² Там же. Л. 67 об.
- ¹³ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 134. Л. 102.
- ¹⁴ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 138. Л. 30.
- ¹⁵ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 151. Л. 20.
- ¹⁶ Татищев В. Н. Записки. Письма. М., 1990. С. 274.
- ¹⁷ АРАН. Р. II. Оп. 1. Д. 197. Л. 11. об.
- ¹⁸ Попов Н. А. Указ. соч. С. 294.
- ¹⁹ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 151. Л. 18-22 об.
- ²⁰ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 152. Л. 269.
- ²¹ НАРК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 149. Л. 2.
- ²² Там же. Л. 3.
- ²³ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 142. Л. 62.
- ²⁴ Попов Н. А. Указ. соч. С. 306.
- ²⁵ Юхт А. И. Письма В. Н. Татищева 1742–1745 гг. // Исторические записки. Т. 104. М., 1979. С. 287.
- ²⁶ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1727. Д. 4. Л. 439.
- ²⁷ НАРК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.